

РОЗДІЛ 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНІ ПРОБЛЕМИ СОЦІОЛОГІЇ

УДК 316.285

РОЛЬ НАУЧНОЇ ДИСКУССИИ В РАЗВИТИИ СОЦИОГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕМИКИ В.Я.ПРОППА И К.ЛЕВИ-СТРОССА)

Даниленко Оксана Акимовна - доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина

Статья посвящена анализу научной дискуссии как фактора развития социогуманитарного знания, ее роли в продуцировании новых идей. Используя в качестве примера полемику В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса, автор демонстрирует ее значимость в развитии теоретических основ структурализма. При этом социологическая интерпретация ключевых положений структурализма осуществляется с выходом на идеи Ф.Тенниса, Г.Зиммеля, Т.Парсонса и других социологов, в рамках концепций которых также рассматриваются проблемы формы и содержания, структуры и функций и пр. Дискуссия В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса рассматривается как модель научного диалога, специфика которого проявляется в его публичности (благодаря выходу в свет полемических статей) и открытости (благодаря возможности участия в дискуссии других ученых). Подчеркивается, что анализ полемических статей помогает не только лучше понять различные версии того или иного научного направления (в данном случае - структурализма), но и выявить возможные причины ложной интерпретации научных концепций, их непонимания, а также найти возможные пути решения этой проблемы благодаря четкой аргументации позиций диспутантов, что способствует формированию культуры диалога.

Ключевые слова: структура, диалог, форма, содержание, структурализм, конфликт, текст, социологическая интерпретация, качественные социологические исследования.

Статья посвящена анализу научной дискуссии как фактора развития социогуманитарного знания, ее роли в продуцировании новых идей. Используя в качестве примера полемику В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса, автор демонстрирует ее значимость в развитии теоретических основ структурализма. При этом социологическая интерпретация ключевых положений структурализма осуществляется с выходом на идеи Ф.Тенниса, Г.Зиммеля, Т.Парсонса и других социологов, в рамках концепций которых также рассматриваются проблемы формы и содержания, структуры и функций и пр. Дискуссия В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса рассматривается как модель научного диалога, специфика которого проявляется в его публичности (благодаря выходу в свет полемических статей) и открытости (благодаря возможности участия в дискуссии других ученых). Подчеркивается, что анализ полемических статей помогает не только лучше понять различные версии того или иного научного направления (в данном случае - структурализма), но и выявить возможные причины ложной интерпретации научных концепций, их непонимания, а также найти возможные пути решения этой проблемы благодаря четкой аргументации позиций диспутантов, что способствует формированию культуры диалога.

Ключевые слова: структура, диалог, форма, содержание, структурализм, конфликт, текст, социологическая интерпретация, качественные социологические исследования.

The article analyzes the scientific discussion as a factor of the development of socio-humanitarian significance and its role in the creation of new ideas. Using as an example the polemic of V.Y. Propp and C. Levi-Strauss, the author demonstrates importance of the polemic for the development of the theoretical foundations of structuralism. Doing this analysis the sociological interpretation of key provisions of structuralism is done through appeal to ideas of F. Tannis, G. Simmel, T. Parsons and other sociologists, through the concepts which also deal with the problems of form and content, structure and function, and so forth. The discussion of V.Y. Propp and C. Levi-Strauss is considered as a model of scientific dialogue, the specificity of which is manifested in its publicity (due to the publication of polemical articles) and openness (due to ability to participate

in the discussion of other scientists). Stresses that the analysis of polemical articles not only helps to better understand the different versions of a particular scientific field (in this case - structuralism), but also identifies possible causes of a false interpretation of theoretical concepts, misunderstanding and creates ways to solve this problem through argumentation, thereby contributing to the formation of culture of dialogue.

Keywords: structure, dialogue, form, content, structuralism, conflict, text, sociological interpretation, qualitative sociological researches.

Актуальность обращения к полемике В.Я.Проппа (1895-1970) и К.Леви-Стросса (1908-2009), отобразившейся в их публикациях «Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа» [1] и «Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К.Леви-Строссу)» [2], имеет несколько возможных вариантов обоснования.

Во-первых, сегодня все более расширяются горизонты анализа понятия «структура» как одного из центральных понятий социологии. В условиях, когда мифологизация сознания становится все более значимым фактором влияния на социальные процессы, а запечатленные в дискурсах повторяющиеся структурные элементы все более зримо определяют «морфологию социума» [3], важным становится понимание различных вариантов интерпретации структуры. Интерес представляет не только социальная структура общества, но и, например, структура города, который может рассматриваться как текст, структура мифов, запечатленных в общественном сознании и связанных с определенными типами дискурса, а также смысловая структура общества в целом. Это определяет необходимость обращения к работам, посвященным анализу структур не только в социологии, но и в других областях социогуманитарного знания. В связи с этим структуралистские идеи В.Я.Проппа, реализованные им в контексте анализа волшебных сказок, и К.Леви-Стросса в его интерпретации мифов приобретают новое звучание.

Во-вторых, обращение к дискуссии В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса обусловлено особой ролью диалога в развитии научного знания. На примере полемики двух структуралистов можно выявить особенности ведения дискуссии, построения аргументации каждым из ее участников, понять, что такое культура научного диалога, наконец, увидеть, как в процессе такого диалога происходит возникновение, кристаллизация и развитие новых идей, то есть посмотреть на полемику ученых как на способ развития научного знания.

В-третьих, обращение к структурализму связано с необходимостью развития методов анализа текстов в социологии с учетом возможностей систематизации многообразного и многосюжетного текстового материала, который может быть получен в результате сбора эмпирической информации в ходе качественного социологического исследования. Как известно, дискурс-анализ и контент-анализ в социологии рассматриваются как два различных метода анализа текстов (хотя, следует заметить, что в некоторых из своих модификаций дискурс-анализ и качественный контент-анализ оказываются достаточно близки по своим процедурам реализации). В то же время в научной литературе подчеркивается, что работы В.Я.Проппа создают предпосылки для возникновения и развития как контент-анализа, так и дискурс-анализа, что, во-видимому, не случайно, поскольку именно подход В.Я.Проппа создает методологический фундамент для их синтеза, необходимость которого часто декларируется без объяснения внутренних принципов реализации их единства. Именно полемика В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса высвечивает идеи, раскрывающие возможности синтеза дискурс-анализа и контент-анализа, что определяет еще одну грань интереса к этой полемике.

Цель данной статьи – показать, как дискуссия ученых может продуцировать новое знание (на примере полемики В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса), а также обосновать значение структурализма для развития как теории социологии, так и методов анализа эмпирического материала.

Реализуя эту цель, следует подчеркнуть, что основные принципы пропповского анализа текстов волшебных сказок отражены, прежде всего, в его работах «Морфология сказки» (1928) [4], «Исторические корни волшебной сказки» (1946) [5]. В этих работах В.Я.Пропп разработал и обосновал принципы анализа и классификации текстов волшебных сказок, показав, что за разнообразием сюжетов и персонажей скрываются повторяющиеся от сказки к сказке структуры. В числе трудов К.Леви-Стросса, раскрывающих основные принципы структурализма и возможности его применения к этнографическому материалу, прежде всего к мифам, необходимо выделить следующие публикации: «Структура мифов» (1955) [6], «Структурная антропология» (1958) [7] и «Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа» (1960) [1]. Именно на последнюю работу К.Леви-Стросса и написал свой ответ В.Я.Пропп [2].

Статья К.Леви-Стросса [1] появилась как реакция на выход английского перевода работы В.Я.Проппа [4]. Возобновившийся интерес к его работе «Морфология сказки» и к ее публикации на английском языке в 1958 году (то есть спустя 30 лет после ее первого и до того момента единственного

издания на русском языке), В.Я.Пропп связывает с тем, что в области точных наук были сделаны важные открытия, повлиявшие на стремление к применению точных методов в гуманитарных науках. Появилась структурная и математическая лингвистика, а также другие подобные дисциплины, «одна из них – теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования, возможность применения математических вычислений уже предвосхищены в этой книге (*«Морфология сказки» - О.Д.*), хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки» [2, с. 453-454]. Работа вызвала разнообразные отклики, «одни считали ее нужной и полезной в поисках уточненных методов, другие же, как и прежде, считали ее формалистической и отрицали за ней всякую познавательную ценность» [2, с. 454], - отмечает В.Я.Пропп, имея в виду, прежде всего, К.Леви-Стросса. Мы не можем в полной мере согласиться с последним утверждением В.Я. Проппа, поскольку, не смотря на критичность статьи К.Леви-Стросса, он дает высокую оценку идеям В.Я.Проппа. Более того, благодаря статье К.Леви-Стросса идеи В.Я.Проппа стали более популярными, поскольку он не только критикует, но и пересказывает идеи В.Я.Проппа, хотя, по замечанию последнего, интерпретирует их не всегда правильно. Ответная статья В.Я.Проппа позволила еще точнее изложить сущность морфологического анализа волшебных сказок и показать его соотношение со структурализмом. При этом обращает на себя внимание корректность дискуссии со стороны обоих участников, а также фокусировка внимания на научных аргументах и контраргументах в их полемике.

Как это часто бывает в развитии научного знания, именно дискуссия двух ученых, вылившаяся в написание двух связанных друг с другом научных работ (В.Я.Проппа [2] и К.Леви-Стросса [1]), не только отобразила наиболее важные полемические моменты видения структурализма каждым из авторов, но и способствовала приращению научного знания. Дискуссия тем более интересна, что воззрения В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса очень близки друг другу. Не случайно К.Леви-Стросс начинает свою статью с объяснения по поводу высказываний его современников, что он применил и развил метод В.Я.Проппа: «Может быть, и так, но это не могло быть сделано сознательно, поскольку книга Проппа оставалась для меня недоступной вплоть до выхода указанного перевода. Однако частично – через Романа Якобсона – суть ее и пафос были мне известны» [1, с. 424]. К.Леви-Стросс отмечает, что Роман Якобсон в своих лекциях, представляя предшественников формализма, уделял особое внимание русской школе, и «все, кому приходилось слушать лекции Якобсона начиная с 1940 года, косвенно испытали отдаленное влияние» [1, с. 424]. В этом фрагменте высвечивается важный момент: роль опосредованной научной коммуникации учителей и учеников в развитии социогуманитарного знания, что, в частности, связано с выявлением скрытых и явных истоков формирования идей структурализма. И хотя сегодня в числе основателей структурализма имя К.Леви-Стросса упоминают чаще, чем имя В.Я.Проппа, в представленной выше цитате мы видим, что К.Леви-Стросс признает влияние на формирование его собственных воззрений пропповского подхода к анализу текстов (через учеников В.Я.Проппа, в частности, через Р.Якобсона). Тем не менее, пытаясь отстоять свое первенство в структурализме и показать отличие своего подхода к анализу мифов от подхода В.Я.Проппа к анализу волшебных сказок, К.Леви-Стросс называет пропповский подход формалистическим, с чем В.Я.Пропп категорически не соглашается, обосновывая, что его анализ текстов является структуралистским.

Характеризуя предстоящую дискуссию, В.Я.Пропп прибегает к метафоре поединка, дуэли: «...Когда на человека нападают, ему свойственно защищаться. Против аргументов противника, если они представляются ложными, можно выдвинуть контраргументы, которые могут оказаться более правильными. Такая полемика может иметь общенаучный интерес. Поэтому я с благодарностью согласился на предложение издательства Эйнауди написать на эту статью ответ. Проф. Леви-Стросс бросил мне перчатку, и я ее подымаю» [2, с. 454]. В.Я.Пропп подчеркивает, что читатели станут «свидетелями поединка и смогут встать на сторону того, кого они сочтут победителем, если таковой вообще окажется» [2, с. 454]. Таким образом, полемика этих двух ученых предоставляет возможность анализа специфической модели научного диалога – публичного, открытого, представленного в виде опубликованных текстов, приглашающего других участников (читателей) к его развитию.

В.Я.Пропп доказывает, что его подход является не формалистическим, как утверждает К.Леви-Стросс, а структуралистским. При этом В.Я.Пропп считает, что одной из основных причин непонимания его работы «Морфология сказки» было то, что переводчик не включил в книгу эпиграфы из Гёте, которыми начиналась каждая из глав, подчеркивая важность связи его подхода к анализу текстов с идеями Гёте. Приведем цитату Гёте, с которой В.Я.Пропп начинает свою работу: «Морфология еще должна легитимироваться, как особая наука, делая своим главным предметом то, что в других трактуется при случае и мимоходом, собирая то, что там рассеяно, и устанавливая новую точку зрения, позволяющую легко и удобно рассматривать вещи природы. Явления, которыми она занимается, в высшей степени

значительны; те умственные операции, при помощи которых она сопоставляет явления, сообразны с человеческой природой и приятны ей, так что даже неудавшийся опыт все-таки соединит в себе пользу и красоту (*Gēte*)» [4, с. 5]. Характеризуя главную идею «Морфологии сказки», В.Я.Пропп пишет следующее: «Слово „морфология» означает учение о формах. В ботанике под морфологией понимается учение о составных частях растения, об их отношении друг к другу и к целому, иными словами — учение о строении растения. Но „морфология сказки» — о возможности такого понятия вряд ли кто-нибудь думал. И, тем не менее, рассмотрение форм сказки возможно с такой же точностью, как возможна морфология органических образований. Если этого нельзя утверждать о сказке в целом, во всем ее объеме, то, во всяком случае, это можно утверждать о так называемых „волшебных» сказках, о сказках „в собственном смысле слова». Им только и посвящена настоящая работа» [4, с. 5-6]. Как видим, В.Я.Пропп в своей работе ориентируется на анализ повторяющихся форм, характеризующих волшебную сказку, что позволяет их классифицировать, как классифицируются формы органического мира. Это и создает основы структуралистского видения как общества в целом, так и отдельных его сегментов. Указание на идеи Гёте о морфологии для В.Я.Проппа принципиально важно, потому что выводит на взаимосвязь структуры и форм. Обращение к представленному выше эпиграфу из Гёте раскрывает возможности понимания скрытых структур в обществе и связанных с ними социальных практик.

Хотелось бы обратить внимание на то, что также влияние Гёте испытал Ф.Теннис, уделявший особое внимание формам, не случайно его рассматривают в русле формальной социологии (см., например, [8]). Одним из критериев, позволившим Ф.Теннису разграничить общность (*Gemeinschaft*) и общество (*Gesellschaft*), также является форма. Таким образом, обращение к полемике В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса выводит нас на целые цепочки историко-социологического материала, который выстраивается как диалог идей, в том числе опосредованный текстами, причем диалог междисциплинарный. Это предопределяет возможности междисциплинарного синтеза при изучении структуры и функций, формы и содержания благодаря обращению к идеям о соотношении структуры и формы в различных областях социогуманитарного знания – социологии, культурологии, философии, антропологии, этнографии, лингвистике и др.

Что касается дискуссии между В.Я.Проппом и К.Леви-Строссом, то она разворачивается в плоскости, которая высвечивает соотношение формального, структурного и морфологического подходов. В ходе полемики ученых наиболее ярко проявляются основные особенности каждого из этих подходов. Особое внимание привлекает следующее высказывание К.Леви-Стросса о расхождении между формализмом и структурализмом и одновременно о соотношении формы и структуры в тексте: «В противоположность формализму, структурализм отказывается противопоставлять конкретное абстрактному и лишь абстрактному придавать привилегированное значение. Форма определяется через свою противопоставленность инородному ей материалу; структура же не обладает отличным от нее содержанием: она и есть содержание в его логически организованном виде, причем сама эта организация рассматривается как факт реальной действительности» [1, с. 423].

Полемизируя с К.Леви-Строссом, В.Я.Пропп пишет, что «...композиция и сюжет неразделимы, ...сюжет не может существовать вне композиции, а композиция не может существовать вне сюжета. Так мы на нашем предмете приходим к подтверждению общеизвестной истины, что форма и содержание неразделимы. Об этом же говорит и проф. Леви-Стросс: «Форма и содержание обладают одной природой, они подспудны одному анализу». Это, несомненно, так. Но вдумаясь в это утверждение: если форма и содержание неразделимы и одноприродны, то тот, кто анализирует форму, тем самым анализирует и содержание. В чем же тогда грех формализма и в чем состоит мое преступление, когда я анализирую сюжет (содержание) и композицию (форму) в их неразрывной связи?» [2, с. 467].

Подчеркивая единство формального и содержательного компонента, вспомним идеи Г.Зиммеля, для которого форма и содержание являются ключевыми категориями описания конфликта культур. При этом он говорит, что выступающее в одном случае как содержание, в другом случае может выступать как форма. О единстве идей В.Я.Проппа и Г.Зиммеля в этом вопросе говорит то, что Г.Зиммель также обращается к идеям Гёте [9], анализируя взаимодействие формы и содержания в контексте идей «философии жизни», рассматривая жизнь и творчество Гёте как некий «прафеномен» Гёте. При этом показательной является следующее высказывание Г.Зиммеля: «Текущее единство гётевской жизни нельзя заковать в логическое единство каких-либо содержаний» [9, с. 4]. И жизнь, и творчество Гёте рассматриваются Г.Зиммелем как взаимодействие, борьба формы и содержания, воплощается же это в различных сюжетах и композициях как его жизни, так и произведений.

В.Я.Пропп, переходя от идей о соотношении формы и содержания к соотношению композиции и сюжета, предлагает выявлять постоянные и переменные компоненты в тексте. Он пишет: «Если предложенную мною схему назвать моделью, то модель эта воспроизводит все конструктивные (стабильные) элементы сказки, оставляя в стороне элементы неконструктивные (переменные)» [2, с. 465].

При этом «композиция есть фактор стабильный, сюжет – переменный» [2, с. 464]. Центральным моментом для него является «понимание отношения формы к содержанию и способов их изучения» [2, с. 464]. Это можно рассматривать как вариант приложения идей о соотношении формы и содержания к анализу текстов как эмпирического социологического материала.

В ответ на высказывание К.Леви-Стросса о том, что его собственный подход к пониманию соотношения формы, структуры и содержания противостоит формальному подходу В.Я.Проппа, последний подчеркивает, что его ключевой термин «морфология» был понят К.Леви-Строссом не вполне адекватно. В.Я.Пропп полагает, что, может быть, уместней говорить о композиции, которая понимается как «последовательность функций, как это диктуется самой сказкой. Полученная схема – не архетип, не реконструкция какой-то единственной никогда не существовавшей сказки, как думает мой оппонент, а нечто совершенно другое: это единственная композиционная схема, лежащая в основе волшебных сказок» [2, с. 463]. Функция в данном случае понимается В.Я.Проппом как «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значения для хода действия» [2, с. 462]. «Установление функций есть вывод из подробного сопоставительного изучения материала» [2, с. 462]. Как видим, В.Я.Пропп рассматривает структуру и функции в их взаимосвязи, предлагая классификацию функций с точки зрения значения для хода действия.

В.Я.Пропп отмечает, что «одна и та же композиция может лежать в основе многих сюжетов, и наоборот: множество сюжетов имеют в основе одну и ту же композицию. Композиция есть фактор стабильный, сюжет – переменный. Если бы не было опасности дальнейших терминологических недоразумений, совокупность сюжета и композиции можно было бы назвать структурой сказки. Композиция реально не существует в той же степени, в какой в мире вещей не существует общих понятий: они есть только в сознании человека. Но именно при помощи основных понятий мы познаем мир, раскрываем его законы и учимся управлять им» [2, с. 463-464]. При этом важным является замечание о том, что, «если сюжет можно назвать содержанием, то композиция никак содержанием названа быть не может...» [2, с. 467].

Таким образом, В.Я.Пропп подчеркивает, что сюжет (содержание) и композиция (форма) должны анализироваться в их неразрывной связи, при этом «совокупность сюжета и композиции» он называет структурой сказки, обосновывая, что композиционно все волшебные сказки имеют общую структуру, которая может наполняться различным содержанием от сказки к сказке. Тем самым В.Я.Пропп заложил основы структуралистского анализа, предполагающего выявление повторяющихся структур как *морфологии* (в данном случае морфологии сказки). Следует заметить, что в текстах интервью, полученных в ходе качественного социологического исследования, мы можем аналогичным образом выявлять повторяющиеся структурные элементы, определяющие своего рода «морфологию дискурса». Именно в этом кроется одна из возможностей перехода от размышлений о композиции и структуре, содержании и форме в тексте волшебной сказки к этим же моментам в глубинных проблемно-ориентированных интервью. Подробней возможности применения и развития идей В.Я.Проппа к анализу текстов интервью были рассмотрены в статье [9], здесь же хотелось отметить, что именно его полемика с К.Леви-Строссом послужила импульсом для поиска новых вариантов интерпретации текстов интервью и возможностей их кодирования с учетом пропповского подхода к анализу волшебных сказок.

Кроме того, как следует из представленной выше полемики, один из основных моментов несогласия В.Я.Проппа с К.Леви-Строссом – это то, что пропповский анализ волшебных сказок является формалистическим. На этот момент следует обратить особое внимание еще и потому, что даже в ряде современных словарей можно встретить описание концепции В.Я.Проппа как формалистической, поэтому важно понять, каким образом В.Я.Пропп опровергает это.

Выстраивая свою аргументацию против обвинения его в формализме, В.Я.Пропп пишет: «Под формалистическим изучением обычно понимается изучение формы безотносительно к содержанию. Проф. Леви-Стросс даже говорит о их противопоставлении. Такой взгляд не противоречит взглядам современных советских литературоведов. Так, Ю.М.Лотман, один из активнейших исследователей в области структурального литературоведения, пишет, что основной порок так называемого «формального метода» в том, что он зачастую подводил исследователей к взгляду на литературу как на сумму приемов, механический конгломерат. К этому можно еще прибавить еще другое: для формалистов форма имеет свои самодовлеющие законы и имманентные, независимые от общественной истории законы развития. С этой точки зрения развитие в области литературного творчества есть саморазвитие, определяющееся законами формы» [2, с. 460]. Как видим, в приведенной цитате раскрывается пропповское понимание формализма.

Далее В.Я. Пропп рассуждает следующим образом: «Но если эти определения верны, книгу «Морфология сказки» никак нельзя назвать формалистической, хотя проф. Леви-Стросс далеко не единственный обвинитель. Не всякое изучение формы есть изучение формалистическое, и не всякий ученый, изучающий художественную форму произведений словесного или изобразительного искусства, есть

непременно формалист» [2, с. 460]. Тем самым В.Я.Пропп подчеркивает, что само изучение формы может быть различным, в том числе структуралистским, когда рассматриваются в единстве форма и содержание с целью выявления повторяющихся структур, приводящих к возможности классификации текстового материала.

Напомним, что одним из основных моментов классификации и кодирования текстового материала у В.Я.Проппа выступает функция [2, 4]. Композиция, отображающая повторяющиеся структурно-композиционные элементы, понимается им как последовательность функций, а функция, как уже отмечалось выше, интерпретируется как «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значения для хода действия» [2, с. 462]. Это позволило В.Я.Проппу сформулировать принципы кодирования текстового материала через функции, что определило возможность представить каждую сказку в виде формулы. В «Морфологии сказки» В.Я. Пропп выявляет на основе проанализированного материала сказок 31 функцию, к последовательности которых можно свести все волшебные сказки, для каждой функции дается условный знак. Кодирование представляет собой перечисление функций действующих лиц «в том порядке, в каком это диктуется самой сказкой» [4, с.26-61]. При этом многие функции В.Я.Пропп рассматривает как парные. Введение знаков позволяет впоследствии сравнить построение сказок схематически. В контексте анализа дискуссии В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса нет смысла приводить все варианты обозначения функций, обозначен лишь основной принцип кодирования (через выявление функций в качестве основных морфологических элементов), чтобы подчеркнуть, что уже в 1928 году В.Я.Пропп заложил основы цифрового кодирования больших объемов разнородной текстовой информации. Более подробно вопросы социологической интерпретации принципов кодирования текстовой информации применительно к текстам интервью, полученных в ходе качественных исследований, рассмотрены в статье [10].

Возвращаясь к полемике В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса, подчеркнем, что ключевые понятия, упоминаемые В.Я.Проппом при изложении аргументов в ходе дискуссии, заставляют вспомнить о структурном функционализме Т.Парсонса в социологии, в теории которого центральными понятиями также являются структура, функция, действие (социальное действие). Как известно, Т.Парсонс предложил типовые переменные действия как набор парных, дихотомических понятий, используемых для описания и анализа структуры действия. В.Я.Пропп также представляет функции в виде пар и также связывает их с ролью по отношению к действиям. Особенности оценки и описания функций связаны с ценностями, присущими исторической эпохе, к которой относится сказка. Пойдет сказка на новый виток или завершится в виде счастливого конца (состояние равновесия), детерминировано тем, решены ли проблемы, связанные с противоречием в системе ценностей. Т.Парсонс также рассматривает ценности как основной элемент поддержания социального порядка и равновесия в обществе. Таким образом, здесь можно увидеть определенные аналогии, которые позволяют развить «высокую теорию» Т.Парсонса в направлении эмпирической интерпретации текстового материала через соотношение структуры и функций. Так, например, типовые переменные действия могут быть использованы в качестве одного из элементов кодирования текстовой информации, чтобы затем осуществить ее дальнейшую интерпретацию с позиции типичного и нетипичного в определенных массивах текстов во взаимосвязи доминирующих в них структур с ценностными ориентациями. Выделение в текстах интервью кейсов, связанных с описанием социальных действий, в основе которых лежит ориентация на индивидуализм или коллективизм, достижение или приписывание, универсализм или партикуляризм и т.д., раскрывает дополнительные возможности выявления кроющихся за многообразием текстов интервью повторяющихся структурных элементов, отображающих ценностную морфологию социума. Именно дискуссия с К.Леви-Строссом заставила В.Я.Проппа сконцентрировать внимание на функциях и их связи с действием, что и выводит на аналогии с идеями Т.Парсонса, имеющими особое значение при рассмотрении взаимосвязи социальных действий с функционирующими в обществе текстами, а также при анализе текстов глубинных проблемно-ориентированных интервью и биографических интервью.

Еще один принципиальный момент обвинений К.Леви-Стросса, против которых категорически возражает В.Я.Пропп, – это оторванность пропповских морфологических построений от исторического познания. «Определение волшебной сказки дается не через ее сюжеты, а через ее композицию. Действительно, установив единство композиции волшебных сказок, я должен был задуматься о причине такого единства. Что причина кроется не в имманентных законах формы, а что она лежит в области ранней истории или, как некоторые предпочитают говорить, до истории, т.е. той ступени развития человеческого общества, которая изучается этнографией и этнологией, для меня было ясно с самого начала» [2, с. 458]. «...Я не отвернулся от морфологического анализа, а стал искать исторических основ и корней той системы, которая открылась на сравнительном изучении сюжетов волшебной сказки» [2, с. 458-459]. В.Я.Пропп подчеркивает, что его тезис о том, что морфологическое изучение следует связать с

изучением историческим, в полной мере находит свое выражение в работе «Исторические корни волшебной сказки», которая была написана позже, чем работа «Морфология сказки».

Для анализа текстов важны также идеи В.Я.Проппа о взаимосвязи трансформации сюжетов с социальными трансформациями. Как показывает анализ работы В.Я.Проппа «Исторические корни волшебной сказки», трансформация сюжетов, подчиненная во многом ценностной морфологии, во-первых, соотносится с трансформацией ценностей в определенные исторические эпохи, во-вторых, с конфликтами, связанными с ценностной трансформацией. Это обуславливает необходимость исследования «обращения», то есть ситуации, когда один и тот же сюжет в двух сказках может фигурировать в полностью противоположном, словно зеркально отображенном виде. Анализ текстов интервью, проведенных нами в ходе исследования «Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории к формированию социокультурных идентичностей» [10] и содержащих сюжеты устной истории, показал наличие ряда таких «обращений» применительно к ситуациям, связанным с конфликтом интерпретаций, что также говорит в пользу применения подхода В.Я.Проппа при анализе потенциальной конфликтности через текст (лингвоконфликтологического анализа).

При осуществлении лингвоконфликтологического анализа текстов (подробней об этом см., например [11, 12, 13]), с одной стороны, необходимо выделить ценностные компоненты, определяющие структуру дискурса и его характеристики (здесь на первый план выходит анализ характеристик языка конфликта, маркирующих принадлежность к определенному дискурсу); с другой стороны, необходимо выделить содержательные характеристики сюжетов, и в таком случае на первый план выходят элементы контент-анализа, которые позволяют зафиксировать количественное доминирование тех или иных сюжетов (характерных для тех или иных поколений или регионов); а затем снова следует вернуться к структурным характеристикам этих сюжетов, характеристикам языка конфликта, которые определяют тип дискурса внутри того или иного сюжета. Именно в этом проявляется то единство формального и содержательного аспектов, о котором говорят и В.Я.Пропп, и К.Леви-Стросс. Дискуссия двух ученых позволяет лучше понять, как тезис о том, что форма и содержание слиты воедино, может операционализироваться при структурном анализе текстов. Развивая эти идеи, можно заметить, что на уровне методики анализа текстового материала это проявляется в слиянии компонентов дискурс-анализа и контент-анализа таким образом, что в исследовании это проявляется уже не как сочетание двух методов, а как некий третий метод, синтезирующий компоненты каждого из них посредством обращения к анализу структурно-коммуникативных моделей конфликта (конфликт при этом выступает не только как объект познания, но и как познавательное средство).

Следует заметить, что в пользу применения пропповского подхода к анализу социальных конфликтов говорит и сходство структурно-композиционной модели сказки с динамической моделью конфликта (подробней об этом см. [14, с. 54-94]), и сочетание наполненной иррациональными компонентами ткани текста сказки с рациональной схемой его анализа (в конфликте сочетаются рациональные и иррациональные компоненты, как и в нарративах о конфликте), и особая роль ценностей в выборе определенных ходов в завершении или незавершении сказки (как и при завершении или незавершении конфликта). Это определяет значение идей В.Я.Проппа для социологии конфликта и конфликтологии. И здесь вновь возможен выход на идеи Г.Зиммеля (например, представленные в работе «Человек как враг» [15]), а также на идеи функциональной теории конфликта Л.Козера («Функции социальных конфликтов» [16], «Завершение конфликта» [17]). Можно увидеть некоторые аналогии циклической модели конфликта и циклической модели сказки (что было обосновано в работе [14, с. 78-91]), где конфликт рассматривается как система многоуровневых структурных коммуникаций. Следующим шагом является выход на козеровскую проблему завершения конфликта, на операционализацию сигналов готовности к завершению конфликта через «язык конфликта» [18] посредством обращения к различного рода текстам, связанным с формированием и отображением тех или иных образов конфликта. В этом контексте подчеркнем необходимость развития антиманипулятивных технологий, нацеленных против лингвистического конструирования деструктивных социальных конфликтов [19]. Учитывая, что в современных конфликтах *образы конфликта* (сформированные посредством различных текстов, стремительно распространяемым благодаря информационным технологиям), становятся все более весомым фактором влияния на возникновение, развитие и завершение конфликта, необходимо применение социологических методов анализа массивов текстов, сопутствующих конфликту как системе многоуровневых структурных коммуникаций. Структуралистские принципы кодирования больших объемов текстовой информации и связанные с этим варианты их реализации через анализ формы, содержания, композиции, функций достаточно рельефно проявились в ходе дискуссии В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса, предвосхитив те потребности в инструментах работы с текстами, которые возникли в эпоху бурного развития информационных технологий.

Таким образом, полемика В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса не только имела большое значение для развития социогуманитарного знания в середине XX века, но также и сегодня представляет интерес для социологов, стимулируя развитие новых идей. При этом наиболее значимыми моментами представляются следующие.

Во-первых, проанализированные статьи отображают диалог двух ученых, показывающий варианты взаимного истолкования их концепций, что позволяет, сопоставляя аргументы и контраргументы, не только лучше понять суть структурализма, но и познакомиться с одним из вариантов ведения научной полемики. Это другого рода диалог, чем в эпистолярном жанре, но в дополнение к этому можно рассматривать и письма, учитывая специфику построения каждого из видов диалога. Например, в развитие обозначенной проблематики можно рассматривать переписку Ф.Энгельса и Ф.Тенниса [20], А.Шютца и Т.Парсонса [21] и др., для которой характерны острота полемики, различные взгляды на строение и развитие общества, возникновение новых идей благодаря синтезу, казалось бы, несовместимых концепций. Анализ такого рода дискуссий может служить основой для разработки студентами ролевых игр при освоении социологических курсов. Рассмотрение способов ведения дискуссии, выстраивания аргументации и контраргументации необходимо для того, чтобы студенты смогли организовать эффективный диалог в учебной аудитории, а также способствует формированию культуры диалога в духе идей публичности Ю.Хабермаса, когда в основе диалога лежит «власть свободного аргумента», а выстраиваемый дискурс регулируется правилами, отображающими «этику дискурса».

Во-вторых, в контексте интереса социологов к понятию «структура», получившему разноплановые варианты истолкования в рамках различных социологических концепций, дискуссия В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса открывает не только дополнительные грани интерпретации данного понятия, но и новые варианты его проблематизации в соотношении с другими понятиями: что может выступать в роли структуры и функций, как соотносятся со структурой форма и содержание, какое значение это может иметь при социологическом анализе текстов.

В-третьих, анализ дискуссии В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса не только позволил акцентировать внимание на том, что В.Я.Пропп уже в 1928 году обосновал принципы кодирования большого массива текстовой информации, но и показать, как были развиты эти принципы в ходе полемики двух ученых, как их дискуссия привела к продуцированию нового знания, а также раскрыла перспективы дальнейшего развития предлагаемых идей в различных областях социогуманитарного познания – в социологии, конфликтологии, лингвистике и др., в том числе с точки зрения междисциплинарного синтеза. Перспективным представляется использование и развитие принципов кодирования текстов, представленных в ходе полемики, в частности, их применение к анализу разнообразной текстовой информации, с огромной скоростью распространяемой современными информационными технологиями. В частности, предметом анализа могут быть тексты, включенные в создание различных образов социальных конфликтов. Структурный анализ волшебных сказок и мифов дает нам вариант кодирования с учетом сочетания рационального и иррационального, а представленная дискуссия дает нам ключи к операционализации такого кодирования.

Кроме того, анализ полемики В.Я.Проппа и К.Леви-Стросса позволил увидеть, как можно перейти от теоретической дискуссии по поводу тех или иных понятий к эмпирическим исследованиям, в данном случае - к практике анализа текстов. Таким образом, дискуссия двух структуралистов имеет значение не только для развития методов интерпретации текстовых материалов в социологии, но и показывает вариант логической взаимосвязи между теорией, методами анализа и эмпирическими данными.

Литература:

1. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа. / Семиотика: Антология / Сост.Ю.С.Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – с. 423-452.
2. Пропп В. Структурное и историческое изучение волшебной сказки (Ответ К.Леви-Строссу). / Семиотика: Антология / Сост.Ю.С.Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001 – с. 453-472.
3. Смилова морфологія соціуму / За ред. Н.Костенко. – К. : Інститут соціології НАН України, 2012. – 422 с.
4. Пропп В. Морфология сказки / Вопросы поэтики. – Выпуск XII. – Ленинград. – «ACADEMIA». – 1928. – 152 с.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – СПб.: Изд-во СПб ГУ, 1996. – 364 с.
6. Levi-Strauss C. The Structural Study of Myth / Journal of American Folklore, Vol. 68, No. 270, Myth: A Symposium (Oct. – Dec., 1955), pp. 428-444. – Точка доступа: <http://people.ucsc.edu/~ktellez/levi-strauss.pdf>

7. Леви-Стросс К. Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
8. Ковалева И.Д., Даниленко О.А., Мусиездов А.А. История социологии: Учебно-методическое пособие. - Харьков: Харьковский национальный университет им.В.Н.Каразина, 2004. - 328 с.
- Зиммель Г. Гёте / Г.Зиммель. — М.: «ГАХН», 1928. — 266 с.
- Даниленко О.Я. Можливості застосування структурно-морфологічного підходу В.Я. Проппа в інтерпретації даних якісних соціологічних досліджень) // Міжнародний науковий форум: Соціологія, психологія, педагогіка. Менеджмент. — Вип.11: Збірник наукових праць. - Київ, Видавництво НПУ ім.М.П.Драгоманова, 2012, С.67-79.
- Даниленко О. А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе : от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей : монография / О. А. Даниленко. – Вильнюс : Изд-во ЕГУ, 2007. – 402 с.
- Даниленко, О.А. Методика построения карты метаязыка конфликта: от конструирования истории к новым идентичностям // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. – Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна, 2005. – С. 200–205.
- Даниленко О.А. Конструирование истории и конфликтный потенциал социокультурных идентичностей в Украине (2005-2006, 2013-2014) // Перекрестки, N 1-2, 2014, Журнал исследований восточноевропейского Пограничья, Вильнюс, Литва, Европейский гуманитарный университет. – С.24-45.
- Даниленко О. А. Социологическое измерение конфликта : монография / О. А. Даниленко. – Х. : Изд. центр Харьк. нац. ун-та им. В. Н. Каразина, 2003. – 242 с.
- Зиммель Г.Человек как враг / Г.Зиммель. Избранное Т.2. Созерцание жизни. – М.: Юрист, 1996. – С. 501-508.
- Козер Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер. – М. : Идея-Пресс, 2000. – 205 с.
- Козер Л. Завершение конфликта / Американская социологическая мысль: Тексты. – М. – 1996. – С. 542-555.
- Даниленко О.А. От функциональной теории конфликта – к проблеме лингвистического конструирования социальных конфликтов // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. – N 3. – 2012, С. 27-33.
- Даниленко О. А. Лингвистическое конструирование социальных конфликтов в условиях Пограничья / О. А. Даниленко // Перекрестки: журнал исследований Восточноевропейского Пограничья. – 2008. – № 2-4. – С. 35–47.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.39. – М. – Политиздат. - С. 326-328.
- Давыдова И.В. Формирование этнометодологии: влияние Т.Парсонса и А.Шюца на теоретическую позицию Г.Гарфинкеля / Социологический журнал. – 2002. – N 1. – С. 115-128.